

[главная страница](#) / [библиотека](#) / [обновления библиотеки](#)

И.П. Засецкая, Б.И. Маршак, М.Б. Щукин.

Обзор дискуссии на симпозиуме.

// Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. / *КСИА. Вып. 158.* М.: 1979. С. 120-125.

Дискуссия по докладам, заслушанным участниками симпозиума (Ленинград, Государственный Эрмитаж, 17-21 марта 1976 г.), затронула множество частных вопросов хронологии раннесредневековых древностей территории СССР. Главными же при обсуждении проблемами были вопросы о верхней дате черняховской культуры; о хронологии памятников «гуннского круга»; о датировке комплексов с поясными наборами VII — первой половины VIII в.

Тезис доклада М.Б. Щукина о том, что черняховская культура существовала до середины V в., поддержали М.А. Тиханова, В.В. Кропоткин, Е.В. Махно, И.С. Винокур и Э.А. Сымонович. В выступлениях Е.В. Махно, И.С. Винокура и Э.А. Сымоновича отмечались случаи сочетаемости черняховской круговой керамики с раннесредневековой в славянских жилищах-полуземлянках на поселении в Бакоте и среди памятников лесной зоны, на Смоленщине и в Посеймье.
(120/121)

В заключительном слове М.Б. Щукин отметил, однако, что речь идёт не о хронологическом сдвиге всего массива черняховской культуры до середины V в. «Узкая» дата этого массива — III-IV вв. — остаётся неизменной. Речь идёт лишь о наиболее поздних комплексах черняховской культуры, которые, как и вся стадия D европейской системы Эггерса — Годлевского (вторая половина IV — первая половина V в.), пока не могут быть отнесены точно к IV или к V столетиям. Что касается примеров, перечисленных И.С. Винокуром и Э.А. Сымоновичем, и материалов, представленных в докладе Л.М. Рутковской, то не всегда ясна стратиграфия находок и, следовательно, хронология этих памятников, поэтому они не могут оказать помощь в уточнении датировок черняховской культуры.

Проблема хронологии памятников «гуннского круга» рассматривалась главным образом в дискуссии по докладу И.П. Засецкой. [1] В выступлении по поводу этого доклада А.К. Амброз сказал, что он остаётся на прежних позициях, повторив и несколько дополнив аргументацию, изложенную в статье «Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы». [2]

И.П. Засецкая, отвечая А.К. Амброзу, заметила, что стилистическая классификация полихромных вещей пока не разработана. Учтены далеко не все признаки, не проверена их взаимовстречаемость, не прослежено развитие одних признаков в другие. Кроме того, ни одна бесспорная вещь VII в. не найдена с вещами полихромного стиля. Все это не даёт возможности относить те или иные признаки к числу ранних или поздних. Ссылки на единичные находки из Харина и Бирска, представленные только пряжками и наконечниками пояса, не могут служить доказательством поздней даты большой и разнообразной группы украшений Северного Причерноморья. К тому же, бирские вещи по своим стилистическим признакам лишь отдалённо напоминают изделия восточноевропейских степей и в крайнем случае могут рассматриваться лишь как их позднейшая грубая реплика.

Что же касается вещей, распространение которых относится к VI-VII вв., то к ним нельзя подходить формально, ибо хронологические рамки бытования вещи, принятые на данном этапе, могут быть в результате дальнейшего изучения раздвинуты или сужены. Гуннская эпоха была переходной от старого ираноязычного мира к новому, тюркскому. Поэтому нет ничего удивительного в появлении уже в то время типов вещей, характерных для более поздней эпохи VI-VII вв. Однако в целом комплекс вещей рассматриваемых нами погребений не позволяет сравнивать их с известными в восточноевропейских степях и твёрдо датированными комплексами VI-VII вв. (имеются в виду комплексы с наборными поясами, стременами и др.).

По вопросам хронологии древностей «гуннского круга» выступили также Д.Б. Шелов, В.В. Кропоткин и М.Г. Мошкова.

Д.Б. Шелов отметил, что он не видит возможности хронологического расчленения памятников полихромного стиля. Разница в стилистических особенностях может объясняться не хронологическим различием, а тем, что вещи были изготовлены в разных мастерских. По мнению В.В. Кропоткина, выводы А.К. Амброза покоятся лишь на отдельных случайных фактах: неправильно разрывать стилистически близкие вещи и растягивать их существование на период IV-VII вв. Слабой стороной в аргументации И.П. Засецкой он считает слишком поверхностную разработку материалов поздних склепов Керченского некрополя, значение которых в хронологии памятников степей очень велико.

По мнению М.Г. Мошковой, комплексы «гуннского круга» бесспорно относятся к одной исторической эпохе и их совокупность нельзя разрывать. Группа «Шипово», действительно, своеобразна, но нужны новые материалы для уточнения её датировки.
(121/122)

Обстоятельная дискуссия развернулась по вопросу о комплексах с поясными наборами VII-VIII вв. А.К. Амброз отметил, что в спор о одновременности агафоновских и неволинских памятников Р.Д. Голдина внесла новый очень важный аргумент. Анализ плана Агафоновского могильника показал, что он состоит из двух частей, одна из которых содержит погребения с инвентарём агафоновского облика, другая — захоронения с неволинскими материалами. Однако необходима дальнейшая разработка этого вопроса, в том числе чрезвычайно важна полная публикация памятника.

Возможно, выделенная Р.Д. Голдиной неволинская территориальная группа Агафоновского могильника отражает продвижение неволинцев к северу и ассимиляцию агафоновской группы населения в течение урьинского периода. Это — лишь предположение для возможного объяснения противоречия дат поясов и плана могильника. Аргументом в пользу этого предположения может служить и то обстоятельство, что в Агафоновском могильнике нет таких полных сложных поясов, как в Неволине: набор вещей как бы поредел и оскудел, хотя сами формы остались теми же.

В ответе Р.Д. Голдина подчеркнула, что в материалах неволинского этапа, несмотря на типологическое различие в поясных наборах, прослеживается дальнейшая эволюция агафоновской ступени. Подобная же смена поясов от агафоновских к неволинским наблюдается не только на Каме, но и в Сибири и Средней Азии.

В.Ф. Генинг, возражая В.Б. Ковалевской, критиковал её за отрыв типологических выкладок от сопоставления признаков по их взаимовстречаемости. Суммируя высказывания по методике, В.Ф. Генинг сделал вывод о необходимости разработки теоретической базы — теоретических обоснований таких понятий, как аналогия, тип и т.д., а также общих критериев для определения датировок.

В.Б. Ковалевская пояснила, что в её работе в целом типологические ряды проверены комбинаторикой, но в докладе представлена в основном типологическая часть исследования. Она обратила внимание на то, что в Приуралье часты уже развитые варианты вещей, тогда как в Причерноморье они прослеживаются в развитии. Между тем, по Р.Д. Голдиной, они появляются в Прикамье раньше, чем в Причерноморье, что невозможно.

Выступление Б.И. Маршака было посвящено нескольким спорным вопросам. В частности, он сказал, что хотя и не согласен со многими абсолютными датами, но тем не менее признает работу А.К. Амброза чрезвычайно ценной. А.К. Амброз выделил конкретные признаки, сделал новые наблюдения и интерпретировал вещи, на которые никто до сих пор не обращал внимания. Типологические наблюдения А.К. Амброза нельзя отбросить, он показал, что группы вещей определённым образом связаны друг с другом. Однако он пропускает звено в процессе исследования между конкретными типологическими наблюдениями и хронологическими выводами — звено логических рассуждений. Остаётся непонятным, как сделаны его выводы.

Специалисты по археологии Средней Азии вынуждены были разбираться в таблицах А.К. Амброза, поскольку он отнес вещи IV-V вв. к VII в., ко времени Первого Тюркского каганата, очень важного для истории Средней Азии. Но на что опирается А.К. Амброз? На наблюдения за единичными вещами — например, обломок седла из Шипова, костяную подпружную пряжку из Канаттаса. Между тем история седла до VII в. почти не документирована. Ранние костяные пряжки мы знаем плохо, но эта вещь, функционально обусловленная плетёной шерстяной подпругой, едва ли была внезапно изобретена тюрками VII в.

Априорно нельзя исключить близость во времени разных этапов типологического развития, если каждый из этих этапов относится к другой территории, другому периоду или другому государственному объединению. (122/123)

Нужно учесть также, что для раннего средневековья характерны государства типа каганата, где в общей армии были соединены представители разных народов и где всякое новшество, появившееся в ставке кагана, иногда даже в результате работы одного главного мастера (местного или пришлого), получало широкое распространение.

Рассмотрим с этой точки зрения вопрос об агафоновских и неволинских поясах. И те и другие произошли от одних и тех же южных прототипов, но разными путями. Агафоновские пояса возникли приблизительно в 20-х годах VII в., во время активности на западе Первого Тюркского каганата. Между ними и византийскими поясами второй половины VI в. лежит типологический, но не обязательно хронологический, этап варварских подражаний, посредствующее звено, не столько хронологическое, сколько локальное. Пояса, близкие к прототипам агафоновских, долго сохранялись на Юге, в частности на Кавказе. Во второй половине VII в. они дали новый импульс прикамским мастерам. Возникают неволинские пояса. Связь с Югом не прерывалась и в это время. Если учесть, что Мартыновский клад несколько старше Перещепинского, который относится ко второй половине VII в. (А.К. Амброз ошибочно считает их синхронными), то ответвление прототипов агафоновских поясов от ствола типологического развития южных поясов придётся на значительно более раннее время, чем полагает А.К. Амброз.

Новый импульс второй половины VI в. отражает установление «меховой дороги», по которой главным

образом среднеазиатские купцы поддерживали регулярную связь между Востоком и Кавказом, степной зоной, Прикамьем и Средней Азией. Находки монет в Прикамье надо рассматривать с учётом того, как обращались те или иные монеты в Средней Азии, где наблюдается некоторое запаздывание бытования сасанидские драхм.

Когда арабы завоевали Иран, они разграбили сокровищницы и пустили в оборот монеты поздних сасанидских царей. Среднеазиатские купцы, торговавшие с Прикамьем, могли доставить сюда эти монеты, как и сасанидские серебряные блюда, во второй половине VII в. или немного позже. Монеты Пероза попали к среднеазиатским купцам в составе иранской дани эфталитам и долго ходили в Средней Азии.

Уральские археологи датируют начало неволинского этапа серединой VII в.

С точки зрения среднеазиатской археологии более вероятна дата на два-три десятилетия позже; Агафоново — VII в.; следующий этап — конец VII и VIII в. (кроме самого конца); Кудырге, связанное с Агафоновым, датируется VII в., как и предложила А.А. Гаврилова: здесь уже не поясные, а сбруйные наборы — возможно, дальнейшее развитие наборов Первого Тюркского каганата в VII.

Завершая выступление, Б.И. Маршак сказал, что если мы прослеживаем параллельное и подтверждаемое взаимовстречаемостью развитие нескольких категорий вещей на одной территории, то типологическая последовательность отражает хронологическую. При других условиях она может отражать последовательность этапов воспроизведения образцов, которые могут быть почти синхронными.

Участники дискуссии о конкретных вопросах хронологии постоянно касались общих проблем теории и методики археологии. О важности теоретической разработки вслед за В.Ф. Генингом говорили Д.Б. Шелов, М.Г. Мошкова, В.В. Кропоткин, М.Б. Щукин, Л.С. Клейн.

Л.С. Клейн затронул вопрос о правильном использовании любой системы хронологии. Он указал, что разные системы не всегда сходятся в конечном результате, т.е. в хронологических выводах. Однако это не означает, что системы неверны. Вот почему несправедлив упрек В.Б. Ковалевской в адрес А.И. Айбабина в том, что в его работе нет эволюции типов. Если В.Б. Ковалевская использует эволюционно-типологический (123/124)

метод О. Монтелиуса, поднятый на формализованный уровень, то А.И. Айбабин пользуется другим методом — системой С. Мюллера и П. Рейнеке, основанной на сопоставлении комплексов и их увязке с предшествующим и последующим временем. Л.С. Клейн отметил, что при выборе той или иной системы следует учитывать, с какой культурной традицией и какими географическими районами придётся иметь дело. Иначе может произойти то, что случилось с системой хронологии Монтелиуса, построенной для памятников Центральной Европы: не выдержав проверки временем, эта система полностью «рухнула». Напротив, основанная на том же методе хронологическая система для Скандинавии применяется по сей день. Суть заключается в разных исторических условиях: в Скандинавии с неолита и бронзы до раннего средневековья наблюдается сплошная преемственность, осёдлость населения; для Центральной Европы характерны культурная чересполосица, различные влияния и смены населения, поэтому сквозные эволюционирующие типы здесь не «работают».

Для Кавказа с его устойчивым составом населения метод Монтелиуса подходит более, чем для степной полосы или даже для Крыма.

М.Б. Щукин заметил, что споры по хронологическим проблемам гуннской эпохи напоминают дискуссии по хронологии древностей римского времени. Но специалисты по римской эпохе при обсуждении периодизации пользуются не абсолютными данными, а условными обозначениями периодов: VI, VII и т.д. Стиль периода VI существует в Чехии, в Поморье, в Польше, но на этих территориях он датируется по-разному. Если мы договоримся об условных обозначениях периодов гуннской эпохи, то легче будет разговаривать и спорить.

Д.Б. Шелов обратил внимание на важность разработки таких теоретических вопросов, как проблема значимости стилистического сходства для хронологии и проблема хронологической значимости тех или иных категорий вещей. В частности, он высказал сомнение в методической правильности работы Г.Е. Афанасьева по вычислению среднего запаздывания монет. Отметив, что для определения времени запаздывания монет в погребениях Северного Кавказа Г.Е. Афанасьев использовал закавказские клады, Д.Б. Шелов указал на необходимость дальнейшей разработки критериев определения дат по монетам.

В ответе Д.Б. Шелову Г.Е. Афанасьев подчеркнул, что рассчитанная им покладам поправка согласуется со взаимовстречаемостью разных типов монет между собой и с геральдическими поясными наборами. Средняя цифра запаздывания применялась только для тех кладов, в которых невозможно было определить позднейшую монету, и при этом всегда проверялась по остальным монетам.

А.К. Амброз, выступая на заключительном заседании, отметил, что приведённые в процессе диспута

аргументы не убедили его пересмотреть свои позиции в вопросах хронологии (хотя он и признаёт свои выводы дискуссионными). Наиболее интересная аргументация против его хронологической схемы, по мнению А.К. Амброза, была приведена в докладе Р.Д. Голдиной.

Первое и главное условие создания полноценной раннесредневековой хронологии — публикация ценнейших огромных новых материалов, добытых раскопками последних десятилетий. А.К. Амброз особо подчеркнул, что только полная публикация памятника по комплексам отвечает современному уровню науки. Без этого исследование проблем хронологии ещё долго не встанет на прочную основу.

Завершая дискуссию, В.В. Кропоткин дал высокую оценку работе симпозиума, указав, что в целом симпозиум был очень плодотворен, принёс пользу докладчикам и слушателям и, безусловно, раннесредневековой археологии. Трудности в установлении точных дат, по его мнению, обусловлены следующими моментами: (124/125)

1. Многие предметы, важные для датировки, происходят из случайных раскопок, не дающих представления ни о погребальном обряде, ни обо всём комплексе вещей (особенно керамике).
2. Мы вынуждены часто обращаться к слишком отдалённым аналогиям. Близость — важный критерий аналогии.
3. Многие коллекции не опубликованы. Особенно важна публикация керченских склепов, раскопанных 70 лет назад и до сих пор не изданных.

Участники симпозиума пришли к единому мнению о необходимости разработать принципы методики определения хронологии археологических материалов и выработать компактную и в то же время наглядную форму публикации комплексов. Была подчеркнута важность издания именно полных комплексов, а не выборок, а также высказано пожелание как можно скорее опубликовать спорные в хронологическом отношении памятники.

[1] Частично доклад И.П. Засецкой опубликован. См.: Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи. — СА, 1978, № 1.

[2] СА, 1971, № 2 и 3.

